

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 1(091)

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: ТЕНГРИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И БУДДИЗМ*

С. Ш. Аязбекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Казахстанский филиал (Астана)
ayazbekova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли тенгрианской цивилизации в формировании особенностей буддизма. Анализируется генетическое родство тенгрианства и буддизма в контексте эпох Мир-системы, «Времени кентавров» и «Осевого времени». Рассматривается тезис о том, что тенгрианско-буддийская общность может быть результатом контактов и общих истоков южно-сибирского и центрально-азиатского шаманства и индийских религий. На отдельных примерах осуществлен сопоставительный анализ тенгрианства и ламаизма, тенгрианства и махаяны. Показано, что общими для тенгрианства и ламаизма являются различные ландшафтные божества – хозяева тех или иных мест и территорий. С ландшафтными божествами и почитанием родовой территории связан и культ «обо», наиболее распространенный среди алтайских и монгольских племен. Культ «обо» нашел широкое распространение и в ламаизме – в форме жертвоприношений хозяину «обо». Представляется, что от кочевников Центральной Азии перешли в ламаизм также культы коня и быка, концепция Мирового древа, отдельные сюжеты тенгрианской мифологии. Близость тенгрианства и махаяны видится в аналогиях между дхармабханаки – монахами, проповедовавшими сутры, и тюркскими, а точнее, прототюркскими, шаманами. Прослеживаются аналогии между достижением нирваны в махаяне и постижением Тенгри в тенгрианстве, а универсальный принцип цикличности составляет основу тенгрианского понимания времени и идеи «Великой Колесницы». Делается вывод о том, что истоки буддизма могут восходить не только к религиозным представлениям, распространенным в самой Индии, но и к воззрениям кочевых народов Центральной Азии.

Ключевые слова: тенгрианская цивилизация, тенгрианство, буддизм, ламаизм, махаяна, сакско-шакья генетические и культурные связи, «Шакья-мунья».

Для цитирования: Аязбекова, С. Ш. (2023). Великая степь: тенгрианская цивилизация и буддизм. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С. 87-102. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.87-102

THE GREAT STEPPE: TENGRIAN CIVILIZATION AND BUDDHISM*

S. Sh. Ayazbekova

Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch (Astana)
ayazbekova@mail.ru

* Работа выполнена в рамках целевого финансирования программы BR10164111 «Культурное наследие Великой степи и культурный код казахов: цивилизационный контекст». Источник финансирования – Министерство культуры и спорта Республики Казахстан.

* The work was conducted within target funding of the program named “Cultural heritage of the Great Steppe and the cultural code of the Kazakhs: civilizational context” (BR10164111). Funding source is the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.

Abstract. The report is devoted to the analysis of the role of Tengrian civilization in the formation of characteristics of Buddhism. Genetic relationship of Tengriism and Buddhism is analysed via the context of the epochs of the World-system, “The Centaur Time” and “Axial Age”. The author analyses the hypothesis that the Tengrian-Buddhist community may be the result of contacts and common origins of South Siberian and Central Asian shamanism with the Indian religions and provides a comparative analysis of Tengriism and Lamaism, Tengriism and Mahayana. One commonality between Tengriism and Lamaism are various landscape deities (the owners of places and spaces) embodied in the cult of “obo” that is widespread among certain Altai and Mongol tribes as well as in Lamaism, as shown in sacrifices to the “obo” owner. It seems that the cults of the horse and the bull, the concept of the World Tree, and certain aspects of Tengrian mythology have been transferred to Lamaism from the nomads of Central Asia. The closeness of Tengriism and Mahayana is traced via the analogies between dharmabhanakas (monks who preached sutras), and Turkic shamans; as well as the attainment of nirvana in Mahayana and the comprehension of Tengri in Tengrianism, and the universal principle of cyclicity both in Tengrian understanding of time and in the idea of the “Great Vehicle”. The author concludes that the origins of Buddhism can be linked to certain viewpoints and religious ideas widespread among the nomadic peoples of Central Asia.

Keywords: Tengrian civilization, Tengriism, Tengrianism, Buddhism, Lamaism, Mahayana, Shakya-Munya.

For citation: Ayazbekova, S. Sh. (2023). The Great Steppe: Tengrian Civilization and Buddhism. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. pp. 87-102. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.87-102

Признано повсеместно, что буддизм начинается с учения Будды. В то же время вопрос об истоках буддизма не является для науки окончательно проясненным.

Следует заметить, что на заимствованный генезис происхождения буддизма ученые уже не раз обращали свое внимание. Так, еще в XIX в. В. В. Григорьев писал: «Мы не прочь от предположения, что учение, проповеданное Сиддартой в Раджагрихе, т. е. буддизм, было не личным его изобретением, а учением, господствовавшим уже издавна между Саками, к которым он принадлежал по происхождению, учением, которое он только распространил в Индии ...» [Григорьев, 1998, с. 134].

А многочисленные исследования по истории буддизма позволили известному специалисту в области истории и теории религии А. Н. Кочетову признать, что «уже в стадии формирования буддизм перенял некоторые представления об окружающем мире у более ранних религий, ... и в дальнейшем, не отбрасывая заимствованное, он дополнял и развивал свою картину мира в соответствии с основной религиозной идеей» [Кочетов, 1983, с. 73].

На этнокультурные вариации особенностей тенгрианства в арийском зороастризме, митраизме и буддизме обратил внимание Н. В. Абаев [Абаев, 2005; Абаев, 2015]. Позже У. П. Бичелдей, основываясь на предшествующих результатах исследований по данному вопросу, говорит о целостности тенгрианско-буддийской цивилизации [Бичелдей, 2013].

На общие истоки южно-сибирского и центрально-азиатского шаманства и всех индийских религий обращает внимание и Н. Л. Жуковская, исследуя ламаизм и ранние формы религии. Ею было выявлено общее сходство, присущее шаманству и буддизму, и выделены те их общие черты, которые возникли, как она полагает, в их доконтактный период, такие как «вера в перерождение и воплощение души, в божественное избранничество, в возможность зачатия земного человека сверхъестественным путем» [Жуковская, 1977, с. 146]. И хотя исследователь полагает, что эти представления существовали независимо друг от друга на севере и на юге Азии, и не являются

заимствованными [Там же, с. 148], современные историко-культурные и генетические исследования все же могут свидетельствовать об их родстве.

Такой аспект исследования не является новым и для нас [Аязбекова, 2018; Аязбеков, Аязбекова 2021a; Аязбеков, Аязбекова 2021б]. В то же время, продолжая изучение этого вопроса, в данной работе рассмотрим некоторые связи и параллели, которые проявляются при сопоставлении с тенгрианской цивилизацией, созданной кочевниками Великой степи в эпоху мезолита, и конкретизируем ее на основе сопоставительного анализа тенгрианства и ламаизма, тенгрианства и махаяны.

«Великая степь»

«Великая степь» – это название повсеместно используется для обозначения степной зоны Евразийского континента, находящейся в его центральной части и простирающейся практически от берегов Тихого океана до Восточной Европы, и от реки Хуанхэ до берегов Ледовитого океана.

Науке известны и другие названия этой территории: «Мамонтовая степь» / «Мамонтовые прерии» [Guthrie, 1990; Zimov et al, 2012], «Скифия» [Геродот, 1999], «Ариана» / «Туран» [Туран на старинных картах, 2008, с. 6], «Hunaland» [Старшая Эдда, 1963], «Дешт-и-Кипчак» / «Кыпчакская степь» [Аджи, 2015], «Тартария» [Карта Тартарии ...], «Евразия» [Евразийство (опыт систематического изложения), 2002], «Евразийская степь» [Гумилев, 2007], «Евразийский степной пояс» [Черных, 2008]. Географический анализ этих наименований свидетельствует о неполном совпадении их границ, однако их большая часть практически идентична. Кроме того, нужно признать, что все эти названия даны народами, с которыми взаимодействовали проживающие на этой территории кочевники, а потому они могли и не знать о ее истинных границах. Однако сами насельники всю Евразийскую степь называли «Ұлы дала» / «Великая степь».

Великая степь в своей исторической эволюции стала «вмещающим» и «кормящим» ландшафтом (термины Л. Н. Гумилева) для многих кочевых и земледельческих народов, взаимодействующих и сменяющих друг друга в исторической эволюции.

Географические особенности степной зоны, также как и присутствие аazonальных ландшафтов, играют существенную роль как в жизнедеятельности народов, населяющих эту территорию, так и в особенностях цивилизационного развития и историко-культурной общности. Так, степная зона формировала кочевой способ хозяйствования и скотоводческую культуру, тогда как аazonальные ландшафты способствовали возникновению оседлости и земледельческих культур. Однако степень распространения кочевников и их внедрения в области оседлых культур была столь велика, что Великая степь как культурная и цивилизационная целостность вплоть до Нового времени определялась жизнедеятельностью степняков-скотоводов.

Именно ими – степняками-скотоводами Евразийской степи – и были созданы такие цивилизации как Тенгрианская, Скифо-сакская, Гуннская, Тюркская и Монгольская. Как видим, первой в череде этих цивилизаций явилась Тенгрианская цивилизация, которая и послужила основой других поколений цивилизаций. Не в полной мере осмыслены

ее особенности, а также роль в формировании буддизма, а потому, в силу малой изученности данной проблематики, остановимся на некоторых ее особенностях.

Тенгрианская цивилизация

Истоки Тенгрианской цивилизации простираются вглубь веков и восходят к периоду палеолита, когда складываются первичные культурные универсалии, характерные для многих народов мира. Наиболее ранние из них прослеживаются в стоянках эпохи раннего палеолита. Особенно много их найдено на территории Казахстана – Борыказган, Танирказган, Шабакты, Казангап, Шакпаката, Шульбинка, Семизбуги и Батпак.

В период среднего палеолита (эпоха мустье, 140–40 тыс. лет до н. э.) формируются первичные религиозные представления, когда возникают тотемистические взгляды, а также идеи о загробной жизни, появляется идея возврата и бессмертия, вера в силу магии и природы. Наиболее полно это воплотилось в Алтайских стоянках Кара-Бом и Усть-Карахол-1, в пещерной стоянке Газма в Нахичевани, в пещере Тешик-Таш в Иссык-Кульской котловине.

В стоянках верхнего палеолита (40–12 тыс. лет до н. э.), таких как Таглар, Дамджылы, Зар, Ятагери (в Азербайджане), Кульбулак, Додекатым (в Узбекистане), Улалинская стоянка (на Алтае), кокоревские и макаровские стоянки долины Енисея, наблюдается формирование матриархального родоплеменного общества с обобществленной землей, жилищами и орудиями труда, с дальнейшим их совершенствованием, что свидетельствует об общности с другими археологическими культурами, где проходил процесс становления первобытного человека.

Тем самым, можно предположить, что археологические открытия поселений и стоянок, найденных на территории Евразии, показывают, что первичные тенгрианские религиозные представления, особенностью которых является идея возврата и бессмертия, начинают формироваться в эпоху верхнего палеолита (40–12 тыс. лет до н. э.).

На глубокие исторические корни тенгрианства указывают также реконструкции языкового генезиса слова «Тенгри». Так, согласно исследованиям Г. Фрейзера, слово «Тенгри» существовало в 20–30 тыс. до н. э. [Фрейзер, 1975]. С. А. Старостин на основе реконструкции алтайской языковой семьи [Старостин, 1991] делает вывод о том, что слово *T'angiri* существовало в алтайской языковой семье еще до периода ее распада, т. е. до VI тыс. до н. э. [Этимология «Тенгри»].

Становление Тенгрианской локальной цивилизации можно отнести к периоду мезолита (XII–V тыс. лет до н. э.), когда начинают формироваться две мировые цивилизации – кочевая и оседлая. Их основные характеристики, также как и их частичное распространение на территории евразийских степей, послужат двумя основными составляющими Тенгрианской цивилизации. Важным в этот период становится и то, что тотемистические представления и идеи о загробной жизни на всей лесостепной части Евразии складываются в целостную мировоззренческую систему. В это же время формируется смешанный европеоидно-монголоидный антропологический облик, были изобретены лук и стрелы, вслед за миграцией животных начинается миграция людей.

На территории проживания кочевых народов со времени мезолита существовали самостоятельные культуры, которые, благодаря наличию кочевого компонента,

объединяющего всю цивилизацию, вступали во взаимодействие друг с другом. Об этом могут свидетельствовать отдельные исследования о культуре, относящие их к XII тыс. до н. э., существование таких городов и поселений, как Чатал-Хююк в Анатолии, Атбасар в Приишимье (с VII тыс. до н. э.), Ботай в Урало-Иртышском междуречье и Намазга-Депе в Северном Копетдаге (юг Туркмении), Гюльтепе, Мингечаур и Ханлар на территории Азербайджана (с IV тыс. до н. э.) и многие др.

На становление Тенгрианской цивилизации большое, если не решающее значение оказала культура Алтая, которая исторически объединила части территорий современного Казахстана, России, Китая и Монголии.

Важным в этой связи представляется и то, что общность значительной части Центральной и Внутренней Азии, Восточной Европы определяется единством степи, которая стала составляющей частью Номадической мировой цивилизации с присущей ей высокой степенью миграционности населения.

Тем самым можно констатировать, что Тенгрианская цивилизация является первой среди локальных цивилизаций Великой степи, созданных на основе Номадической мировой цивилизации. В ее основе находится первая религия, – тенгрианство. Характерными особенностями тенгрианства являются представления о Небе как вечном жизненном источнике, порождающем начале всей Вселенной.

Вопрос о цивилизационном статусе тенгрианства и тюрко-монгольской общности в период мезолита может вызывать сомнение. В этих целях мы обратились к теории и истории цивилиологии с целью определения состава цивилизационных признаков. Оказалось, что при описании древних цивилизаций, исследователи, как правило, оперируют всего 2–3 признаками. Совокупность же признаков, описанных ими при изучении цивилизаций, может быть сведена в некую теоретическую конструкцию, и тогда можно говорить о 12-ти основных признаках цивилизации. К ним относятся: единство территории, общность этногенеза, языковая общность, наличие религии и письменности, единство культуры и менталитета, эстетические формы сознания, наличие науки, городов, государственности, развитая система экономических отношений, познание тайн космоса [Фергюссон, 2000; Морган, 1935; Энгельс, 1961; Шпенглер, 1993; Adams, 1966; Childe, 1950; Тойбни, 1991; Аверинцев и др., 1989; Ерасов, 1990; Фролов, 2006].

Что касается Тенгрианской цивилизации, то, как показал анализ, в ней проявляется одиннадцать цивилизационных признаков, а именно:

- 1) единство территории – Великая степь (ядро);
- 2) наличие религии – тенгрианство;
- 3) языковая общность – принадлежность к алтайской языковой семье, что свидетельствует о цивилизационном единстве тюрко-монгольской, тунгусо-манчжурской и японско-корейской ветвей;
- 4) наличие письменности – «петроглифическая», «тамговая» и ранняя орхо-енисейская руническая письменность;
- 5) познание тайн космоса – тенгрианский календарь, строение городов в соответствии с небесной проекцией, солярные знаки в петроглифах;
- 6) общность этногенеза – взаимодействие европейской и монгольской рас, уральская раса;
- 7) развитая система экономических отношений – взаимодействие ресурсов кочевого и оседлого производства;

8) наличие городищ и крупных поселений – Чатал-Хююк, Атбасар, Ботай, Синташты, Аркаим и др.;

9) наличие государственности – Южно-Уральская «Страна городов» (III тыс. до н. э.) и Южно-Аральская «Страна городов» (I тыс. до н. э.);

10) единство культуры и менталитета – общность захоронений и ритуалов;

11) эстетические формы сознания, их реализация в петроглифах, музыкальном инструментарии, декоративно-прикладном искусстве.

Следует заметить, что данные признаки цивилизации складывались поэтапно, начиная с эпохи верхнего палеолита. Однако к мезолитическому периоду был создан основной костяк цивилизационных признаков, расширение которого протекало вплоть до становления Скифо-сакской цивилизации. Не случайно поэтому многие из них нашли отражение и в Скифо-сакской цивилизации, что самым непосредственным образом сказалось на сакско-буддийской общности.

Эпохи номадизма и их роль в формировании тенгрианско-буддийской общности

Вопрос о роли Тенгрианской цивилизации в формировании особенностей буддизма обращает нас к эпохам становления Мир-системы, «Времени кентавров» и «Осевого времени».

Создание Мир-системы современные исследователи – Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев относят к X–VIII тыс. до н. э. [Гринин, Коротаев, 2009, с. 27]. В исследовании Н. Н. Крадина раскрывается основополагающая роль кочевников на этапе создания Мир-системы в объединении экономики, политической структуры и культуры в мир-системную целостность, что и определяло на всех этапах геополитическую динамику подъемов и упадков цивилизаций Старого Света [Крадин, 2007, с. 95-108]. Важно, что в эту эпоху создания Мир-системы кочевники не только установили связь между Номадической и Оседлой цивилизациями, но и между нарождающимися локальными земледельческими оседлыми цивилизациями.

Полагаем в этой связи, что общая направленность вектора новаций исходила преимущественно из Великой степи, где возникла самая ранняя локальная Тенгрианская цивилизация. Вместе с ней распространялась и вера в Небесного бога, и не только по Евразии, но и выходя за ее пределы.

«*Время кентавров*» – такое название дал Л. С. Клейн эпохе неолита и бронзы, когда в мифологии европейцев появились кентавры – существа с головой и торсом человека на теле лошади. В своих исследованиях, синтезирующих данные антропологии, истории, археологии и филологии, ученый обосновывает теорию о степной прародине греков и ариев. Исследование миграционных процессов, запечатлевшихся в степных курганах и могильниках, сопоставительный анализ индийской и греческой мифологии, глубинная общность всей степной культуры – все это позволило ученому обосновать кочевой генезис ариев и их значительную роль в индоевропейских культурах [Клейн, 2014].

«Время кентавров» – это время формирования таких локальных цивилизаций, как Хараппская, Древнеегипетская и Шумерская. Эта эпоха зарождения великих

цивилизаций древности формировалась и развивалась в русле Номадической цивилизации. Об этом свидетельствуют новейшие современные геномные данные, которые указывают на единство некоторых культурных традиций, простирающихся от Алтая, территорий Монголии, Индии и доходящих до Европы. О многом говорит и масштабная генетическая перепись древних народов Средней и Южной Азии, которая помогла ученым раскрыть тайну происхождения Хараппской (Индской) цивилизации. Большая международная группа ученых, проводившая это исследование, так резюмирует результаты своего труда: «Наше исследование проливает свет на загадку происхождения тех индоевропейских языков, на которых говорят в Индии и в Европе. Крайне примечательно, что все носители этих наречий унаследовали часть своего генома от прикаспийских скотоводов. Это говорит о том, что поздний праиндоевропейский язык, общий “предок” всех индоевропейских наречий, был родным языком для этих кочевников» [The Genomic ..., 2018].

Факторы внутри- и межцивилизационного развития Номадической цивилизации послужили основой формирования в середине I тыс. до н.э. той духовной атмосферы, которая и стала причиной рождения такого беспрецедентного межцивилизационного феномена, как *Эпоха «Осевого времени»*. К. Ясперс, вводя это определение, исходит из признания идентичности, одновременности и родственности духовных центров в Древней Греции, Китае, Индии, Персии и Палестине. В эту эпоху впервые «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира ... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности» [Ясперс, 1994, с. 33].

Причину формирования такой универсальности, возникновения в разных центрах Евразии высочайших форм духовности, космоцентризма мироощущения, глубочайшей интеграции и взаимодействия культур А. Вебер усматривал во вторжении в евроазиатский мир кочевых народов из Центральной Азии. «Вторжение кочевых народов из Центральной Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело, как уже было сказано, аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе ... История превращается в борьбу между этими двумя силами – культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, непробудившейся, и новой динамичной, освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов» [Цит. по: Ясперс, 1994, с. 33].

В эпоху Осевого времени кочевники Центральной Азии придали импульс цивилизационного развития не только Древней Греции, Китаю, Индии, Персии и Палестине, способствуя их взаимодействию, но и на рубеже неолита и античности включили в макроцивилизационную орбиту европейскую часть Евразии, подготовив тем самым зарождение греко-римской цивилизации.

Сакско-шакья связи

На глубокие скифо-индские контакты указывают и многочисленные упоминания «шаков» во многих древнеиндийских текстах: в «Пуранах», «Ману-смрити», «Рамаяне», «Махабхарате» и др.

Можно предположить, что тенгрианско-буддийские связи в какой-то мере обусловлены проникновением в конце II – первой половине I вв. до н. э. саков в Северо-Западную Индию и возникновением здесь в середине I в. до н. э. индо-сакских государств [Стародуб, Ставинский, 2006; Антонова и др. 1973].

Общеизвестным является и тот факт, что местом проживания рода шакья и происхождения Сиддарты, ставшего впоследствии Буддой, является горный Непал. Исследователи полагают, что название шакья производно от «саки». Именно по этой причине первоначально Будда и буддизм именовались «Шакья-мунья».

Гипотеза о сакско-шакья генетических связях получила свое развитие в исследовании казахстанского археолога А. Умарходжаева, обнаружившего множество параллелей между сакскими и непальскими представлениями, атрибутами и символами, в том числе и языкового характера. Поэтому им было инициировано генетическое исследование представителей рода шакья. Само исследование было проведено в одной из самых авторитетных лабораторий США. В результате была обнаружена общность рода шакья, из которого произошел Саддарат, с монголами Восточной Монголии, каракалпаками и найманами – представителями казахского рода. Исследования показали, что действительно генетическая предковая линия рода шакья имеет связь с этими степными народностями, восходящими к сакам [Мудрец из рода Саков]. Безусловно, эти первоначальные результаты генетиков требуют дальнейшего всестороннего масштабного изучения и сопоставления данных самых разных наук – генетики, истории, археологии, лингвистики, культурологии и других. Однако даже эти имеющиеся данные говорят о многом. Прежде всего о том, что истоки буддизма могут восходить не только к религиозным представлениям, распространенным в самой Индии, но и к воззрениям кочевых народов Центральной Азии. Исходя из этого, можно проследить общность между тенгрианской и буддийской мифологией, космологией и религией.

Тенгрианско-буддийские параллели в космологической мифологии

Космологическая мифология многих народов свидетельствует о единстве и разнообразии представления о возникновении и строении Вселенной. Что касается тенгрианско-буддийских параллелей, то они обнаруживаются в представлениях о Предначале, Первотворении, демиургической роли Тенгри и Брахма, общности и взаимодействии Тегри / Тегриев и Будды / Будд.

Так, Предначало в тенгрианской мифологии описывается как безбрежное море небытия [Никонов, 2000], в древнеиндийской – безбрежный океан [Сотворение мира]. Эта водная стихия порождает Золотое яйцо, в котором, согласно тенгрианской мифологии спал Бог Тенгри, а в индийской мифологии – Брахма.

В тенгрианской и буддийской космологии в процессе сотворения мира особое значение придается свету и единству духа и материи:

«У него не было ни рук, ни ног, ни головы, но было движение; не было крыльев, но могло летать, не было рта, но голос исходил из него ... Тенгри родился от света, не солнечного или лунного, а какого-то неизвестного людям».

[Никонов, 2000]

«С развитием всего видимого частицы духа, вырванные из единства и покоя, облекшись в материю, являются во вселенной».

[Ковалевский, 1837].

В буддийской космологии интересными представляются сюжеты о взаимодействии Тегри и Тегриев с Буддой и Буддами, описания о том, что нирвана – это и есть страна Тегриев. Аналогии прослеживаются также между самоделением Тенгри на пантеон божеств и множественность Будд. Общность проявляется также в трехчленной модели мира, представлении о космологической роли горы Сумер (тюрк.); Сумеру, Сумбэр-уул (монг.); Меру (санскр. मेरु), или Сумеру (инд.), причем, согласно буддийской космологии, Царство Тенгри покоится на верхнем плато Сумеру [Ковалевский, 1837, с. 69, 89-94, 99-103].

Таким образом, приведенные тенгрианская и буддийская космологическая мифология явственно обозначают общность следующих представлений, сюжетов, свойств и характеристик:

1. Эмбриональное состояние мира возникает в водной стихии, в которой плавает яйцо. Этот период характеризуется слитностью неба и земли.
2. Начальный акт космогенеза открывается Демиургом – Тенгри в тенгрианской мифологии и Брахманом – в буддийской.
3. Разделение неба и земли осуществляют Демиурги, которые формируют трехчленную структуру мира, центром которого становится гора Сумеру.
4. Сотворенный мир предстает как видимый и невидимый, духовный и материальный.
5. В буддийской космологии существует иерархия и взаимодействие Тегри / Тегрий и Будды / Будд.

Тем самым, можно заметить, что тенгрианские и буддийские космологические сюжеты имеют множество параллелей. Представляется в этой связи, что это оказало самое непосредственное влияние на дальнейшее формирование буддизма, что особенно ярко проявилось в махаяне и ламаизме.

Тенгрианство, махаяна и ламаизм

Тенгрианство и буддизм объединяет две центральные идеи – духовного пути и бессмертия / реинкарнации. Однако общность тенгрианства и буддизма особенно ярко проявляется в махаяне и ламаизме.

Так, близость тенгрианства и махаяны видится в аналогиях между дхармабханаки – монахами, проповедовавшими сутры, и тенгрианскими шаманами. И те, и другие помогают людям из сострадания; и те, и другие достигают девятой ступени на пути *бодхисатвы* (в махаяне) или по Небесному пути (в тенгрианстве). Принятие махаяны было обусловлено и тем, что не требовало на пути «движения к нирване» ухода в монашескую общину, точно также, как и в тенгрианстве, постижение Тенгри не требует отречения от мирской жизни. При этом достижение нирваны в махаяне, как и постижение Тенгри в тенгрианстве, не было только привилегией монахов или шаманов. В обеих религиях предполагалась возможность приобщения к этому процессу и других слоев населения.

Аналогичной тенгрианскому пониманию времени, а точнее тенгрианскому календарю, является и идея «Великой Колесницы», поскольку их основу составляет универсальный принцип цикличности.

Общим является и устный способ передачи религиозной информации (сутр – в махаяне, практики – в тенгрианстве); отсутствие «книжных святынь» [Drewes, 2010].

Кроме того, тенгрианство никогда не поддерживало аскетизм в «чувственных удовольствиях», о чем свидетельствуют многочисленные антропоморфные петроглифы, фольклор, эпос и другие источники. Об этом красноречиво говорит также изображение Тенгри и Умай, найденное на Шалаболинской писанице. «Чувственные удовольствия» поддерживаются и махаяной [Drewes, 2010].

Что касается ламаизма (*гелукпа*), то в современной науке он рассматривается как тибето-монгольский буддизм. Но вместе с тем обратим внимание также и на его общность с тенгрианством, проявившуюся в культах Вселенной, обожествленной природы (культ растений, культ животных), в шаманских ритуалах и практиках. Собственно, описания шаманских практик (по своей форме и содержанию аналогичных тенгрианству), и составляют суть известного исследования Н. Л. Жуковской «Ламаизм и ранние формы религии» [Жуковская, 1977]. Однако главного вывода о тенгрианской сущности ламаизма исследователь, видимо, в силу устойчивой научной традиции о тибето-монгольских корнях ламаизма, к сожалению, не делает.

Так, характерными для тенгрианства и ламаизма являются различные ландшафтные божества – хозяева тех или иных мест и территорий. Они являются не богами, а духами (огня, воды и т. д.), и потому в иерархии имеют более низкий статус. С ландшафтными божествами и почитанием родовой территории связан и культ «обо», наиболее распространенный среди алтайских и монгольских племен. Культ «обо» нашел широкое распространение и в ламаизме в форме жертвоприношений хозяину «обо». Сохранился он и в наши дни. К примеру, у бурят выделяется две группы хозяев «обо»: в первую группу входят души умерших шаманов и души умерших людей, погибших насильственной смертью, а во вторую – *тенгрии*, тотемные божества и небесный богатырь-защитник [Жуковская, 1977, с. 38].

Представляется, что от кочевников Центральной Азии перешли в ламаизм также культы коня и быка, концепция Мирового древа, на основе тенгрианской мифологии была создана и ламаисткая мифология [Жуковская, 1977, с. 75-76, 99]. С кочевниками связаны и все ритуалы, основанные на важных датах жизненного цикла Будды. Так, «в начале лета с переходом на летние кочевья, когда скотоводы совершали обряд поклонения хозяевам обо

и просили сочную траву на пастбищах и обильные своевременные дожди, ламы отмечали день рождения Будды, первую стрижку его волос, и календарно вслед за ними – день его смерти и погружение в нирвану» [Там же, с. 115].

Обобщая сказанное, можно заметить, что многочисленные примеры показывают неразрывную связь тенгрианства и буддизма. На наш взгляд, данная общность обусловлена множественным взаимодействием с кочевниками Великой степи, а точнее, с созданной ими тенгрианской цивилизацией – первой локальной цивилизацией. В буддийской космологии это взаимодействие проявляется в сюжетах о Первоначале, Золотом яйце как обители Демиургов, их роли в разделении Неба и Земли, в образовании трехчленной модели мира, центральное звено которой занимает гора Сумеру / Меру. Тенгрианскую и буддийскую космологическую мифологию объединяют также мотивы самоделения Тенгри и множественности Будд, а также представления о Нирване – как царстве Тенгри.

Что касается религиозных представлений, то значительный комплекс общности выстраивается вокруг двух центральных идей – духовного пути и бессмертия / реинкарнации.

И поскольку тенгрианство является исторически более ранней религией, постольку можно говорить о его созидательной роли в формировании буддизма.

Список литературы / References

Абаев, Н. В. (2005). *Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов*. Учебно-методическое пособие. Кызыл. 127 с.

Abaev, N. V. (2005). *Early forms of religion and ethno-cultural genesis of the Turkic-Mongolian peoples*. Educational and methodical manual. Kyzyl. 127 p. (In Russ.)

Абаев, Н. В. (2015). Тэнгрианство, митраизм и общие этнокультурные истоки туранско-арийской цивилизации Центральной и Внутренней Азии. *Вестник Бурятского государственного университета*. № 3. С. 42-58.

Abaev, N. V. (2015). Tengrianism, Mithraism and the general ethnocultural origins of the Turanian-Aryan civilization of Central and Inner Asia. *Bulletin of the Buryat State University*. no. 3. pp. 42-58. (In Russ.)

Аверинцев, С. С., Алексеев, В. П., Ардзинба, В. Г. и др. (1989). *Древние цивилизации*. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. 480 с.

Averintsev, S. S., Alekseev, V. P., Ardzinba, V. G. etc. (1989). *Ancient civilizations*. Bongard-Levin, G. M. (ed.). Moscow. 480 p. (In Russ.)

Аджи, М. (2015). *Тюрки и мир. Сокровенная история*. М. 638 с. (Империи в истории мира).

Adji, M. (2015). *Turks and the World. Secret history*. Moscow. 638 p. (In Russ.)

Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. (1973). *История Индии (краткий очерк)*. М. 558 с.

Antonova, K. A., Bongard-Levin, G. M., Kotovsky, G. G. (1973). *History of India (short sketch)*. Moscow. 558 p. (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2018). Тенгрианская и буддийская космология: опыт сопоставительного анализа. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. Т. 160. кн. 6. С. 1354-1365.

Ayazbekova S.Sh. (2018). Tengrian and Buddhist Cosmology: Experience of Comparative Analysis. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 160. no. 6. pp. 1354-1365. (In Russ.)

Аязбеков С. А., Аязбекова, С. Ш. (2021a). *Цивилизации Великой степи: философско-культурологический анализ (к проблеме начала)*. Нур-Султан. 352 с. (Цивилизации и искусство Великой степи).

Ayazbekov, S. A., Ayazbekova, S. Sh. (2021a). *Civilizations of the Great Steppe: Philosophical and Culturological Analysis (to the Problem of the Beginning)*. Nur-Sultan. 352 p. (In Russ.)

Аязбеков, С. А., Аязбекова, С. Ш. (2021b). *Культура и искусство Великой степи: цивилизационный контекст*. Нур-Султан. 392 с. (Цивилизации и искусство Великой степи).

Ayazbekov, S. A., Ayazbekova, S. Sh. (2021b). *Culture and art of the Great Steppe: a civilizational context*. Nur-Sultan. 392 p. (In Russ.)

Бичелдей, У. П. (2013). Тюрко-монгольское тэнгрианство как культурно-исторический вариант арийско-туранской «небесно-солнечной» религии. *IV Международная научно-практическая конференция, г. Улан-Батор, 9-10 октября 2013 г.* Улан-Батор. С. 156-165.

Bicheldey, U. P. (2013). Turkic-Mongolian Tengrianism as a cultural and historical version of the Aryan-Turanian "heavenly-solar" religion. In *IV International Scientific and Practical Conference, Ulaanbaatar, October 9-10, 2013*. Ulaanbaatar. pp. 156-165. (In Russ.)

Геродот. (1999). *История в девяти книгах*. Пер., примеч. Г. А. Стратановского. М. 740 с.
Herodotus. (1999). *History in nine books*. Stratanovsky, G. A. (transl.). Moscow. 740 p. (In Russ.)

Григорьев, В. В. (1998). *О скифском народе саках*. Алматы. Хант. 209 с.

Grigoriev, V. V. (1998). *About Saks, the Scythian people*. Almaty. 209 p. (In Russ.)

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (2009). *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М. 568 с.

Grinin, L. E., Korotaev, A. V. (2009). *Social macroevolution. Genesis and transformations of the World-System*. Moscow. 289 p. (In Russ.)

Гумилев, Л. Н. (2007). *Древняя Русь и Великая Степь*. М. 656 с.

Gumilev, L. N. (2007). *Ancient Russia and the Great Steppe*. Moscow. 656 p. (In Russ.)

Евразийство (опыт систематического изложения). (2002). *Основы евразийства*. Сост. Н. Агамалян и др. М. Арктогея-Центр. С. 107-165.

Eurasianism (the experience of systematic presentation). (2002). In Agamalyan, N. et al. (comp.). *Fundamentals of Eurasianism*. Moscow. pp. 107-165. (In Russ.)

Ерасов, Б. С. (1990). *Культура, религия и цивилизация на Востоке*. М. 352 с.

Yerasov, B. S. (1990). *Culture, Religion and Civilization in the East*. Moscow. 352 p. (In Russ.)

Жуковская, Н. Л. (1977). *Ламаизм и ранние формы религии*. М. 199 с.

Zhukovskaya, N. L. (1977). *Lamaism and early forms of religion*. Moscow. 199 p. (In Russ.)

Карта Тартарии голландца Николая Витсена, 1705. Национальная библиотека Португалии. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%B5%D0%BD,_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B0%D1%81#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Witsen_-_Tartaria.jpg (дата обращения: 09.10.2020).

Map of Tartary by the Dutchman Nikolai Witsen, 1705. National Library of Portugal. [Online]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%B5%D0%BD,_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B0%D1%81#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Witsen_-_Tartaria.jpg (Accessed: 09 October 2020)

Клейн, Л. С. (2014). *Время кентавров. Степная прародина греков и ариев*. СПб. 496 с.

Klein, L. S. (2014). *Time of the centaurs. The steppe ancestral home of the Greeks and Aryans*. St. Petersburg. 496 p. (In Russ.)

Ковалевский, О. М. (1837). *Буддийская космология*. Казань. 167 с.

Kovalevsky, O. M. (1837). *Buddhist cosmology*. Kazan. 167 p. (In Russ.)

Кочетов, А. Н. (1983). *Буддизм*. М. 177 с.

Kochetov, A. N. (1983). *Buddhism*. Moscow. 177 p. (In Russ.)

Крадин, Н. Н. (2007). *Кочевники Евразии*. Алматы. 416 с.

Kradin, N. N. (2007). *Nomads of Eurasia*. Almaty. 416 p. (In Russ.)

Морган, Л. Г. (1935). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л. 368 с.

Morgan, L. G. (1935). *Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. Leningrad. 368 p. (In Russ.)

Мудрец из рода Саков. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oJoCJPcRZiI> (дата обращения: 09.10.2020).

A Sage from the Saks clan. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oJoCJPcRZiI> (Accessed: 09 October 2020). (In Russ.)

Никонов, А. Ю. (2000). *Алтун Битиг. Тенгрианство (Мифы древних тюрков, сохраненные устным и письменным преданием тюркских народов мира)*. Алматы. 86 с.

Nikonov, A. Yu. (2000). *Altun Bitig. Tengrianism (Myths of the ancient Turks preserved by oral and written traditions of the Turkic peoples of the world)*. Almaty. 86 p. (In Russ.)

Сотворение мира. [Электронный ресурс]. *Мифы и легенды народов мира. Мифы Индии*. URL: www.legendami.ru/bod/india/india1.htm (дата обращения: 09.10.2020).

Creation of the world. [Online]. *Myths and legends of the peoples of the world. Myths of India*. Available at: www.legendami.ru/bod/india/india1.htm (Accessed: 09 October 2020). (In Russ.)

Стародуб, Т. Х., Ставиский, Б. Я. (2006). Гандхара. *Большая Российская энциклопедия*. Т. 6. М.

Starodub, T. H., Stavisky, B. Ya. (2006). Gandhara. *Big Russian Encyclopedia*. Vol. 6. Moscow. (In Russ.)

Старостин, С. А. (1991). *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. М. 298 с.

Starostin, S. A. (1991). *Altai problem and the origins of the Japanese language*. Moscow. 298 p. (In Russ.)

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. (1963). Отв. ред. В. М. Жирмунский. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.-Л. 263 с. (Литературные памятники).

Zhirmunsky, V. M., Steblin-Kamensky, M. I. (eds.). (1963). *Elder Edda. Old Norse songs about gods and heroes*. Moscow. Leningrad. 263 p. (In Russ.)

Туран на старинных картах. Образ пространства – пространство образов. (2008). Сост. П. А. Терский. М. 480 с.

Terskiy, P. A. (comp.). (2008). *Turan on old maps. The image of space is a space of images*. Moscow. 480 p. (In Russ.)

Фрейзер, Г. Х. (1975). *Тенгри, Худай, Деос и Год. Слово «Бог» на различных языках*. [Электронный ресурс]. URL: <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/50Religion/TengriKhudayDeosGodRu.htm> (дата обращения: 09.06.2022).

Fraser, G. H. (1975). *Tengri, Khudai, Deos and God. The word "God" in various languages*. [Online]. Available at: <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/50Religion/TengriKhudayDeosGodRu.htm> (Accessed: 09 June 2022). (In Russ.)

Фролов, Э. Д. (2006). Проблема цивилизаций в историческом процессе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. № 2. С. 96-100.

Frolov, E. D. (2006). The problem of civilizations in the historical process. *Bulletin of St. Petersburg University. History*. no. 2. pp. 96-100. (In Russ.)

Черных, Е. Н. (2008). Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования. *Природа*. № 3. С. 34-43.

Chernykh, E. N. (2008). Eurasian “steppe belt”: at the origins of the formation. *Nature*. no. 3. pp. 34-43. (In Russ.)

Шпенглер, О. (1993). *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Геистальт и действительность*. М. 663 с.

Spengler, O. (1993). *Zakat Yevropy. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1. Gestalt and reality*. Moscow. 663 p. (In Russ.)

Энгельс, Ф. (1961). Происхождение семьи, частной собственности и государства. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21*. М. С. 23-178.

Engels, F. (1961). The origin of the family, private property and the state. In *K. Marx, F. Engels Works. Vol. 21*. Moscow. pp. 23-178. (In Russ.)

Этимология «Тенгри». [Электронный ресурс]. *Этимологическая база С. А. Старостина*. URL: https://starling.rinet.ru/cgi-bin/etymology.cgi?single=1&basename=%2fdata%2falt%2faltet&text_number=2306&root=config (дата обращения: 09.10.2020)

Etymology of “Tengri”. [Online]. *Etymological base of S.A. Starostin*. Available at: https://starling.rinet.ru/cgi-bin/etymology.cgi?single=1&basename=%2fdata%2falt%2faltet&text_number=2306&root=config (Accessed: 09 October 2020). (In Russ.)

Ясперс, К. (1994). *Смысл и назначение истории*. Пер. с нем. М. 527 с.

Jaspers, K. (1994). *The meaning and purpose of history*. Moscow. 527 p. (In Russ.)

Adams, R. M. C (1966). *The Evolution of Urban Society*. Chicago. 203 p.

Childe, G. (1950). The urban revolution. *The Town Planning Review*, Vol. 21, No. 1 (Apr., 1950), pp. 3-17.

Drewes, D. (2010). Early Indian Mahayana Buddhism II: New Perspectives. *Religion Compass*. Oxford. Vol. 4/2. pp. 66-74.

Guthrie, R. D. (1990). *Frozen Fauna of the Mammoth Steppe*. Chicago. The University of Chicago Press.

The Genomic Formation of South and Central Asia. (2018). [Online]. *Biorxiv. Cold Spring Harbor Laboratory. The preprint server for biology*. Available at: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/292581v1.full> (Accessed: 09 October 2020).

Zimov, S. A., Zimov, N. S., Tikhonov, A. N., Chapin, F. S. (2012). Mammoth steppe: A high-productivity phenomenon. *Quaternary Science Reviews*. No. 57. pp. 26-45.

Информация об авторе / Information about the author

Аязбекова Сабина Шариповна – доктор философских наук, профессор, академик Академии художеств Республики Казахстан, академик JASHE (Международная Академия Науки и Высшего Образования, Великобритания), академик РАН (Российская Академия Естествознания). Профессор Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Астана, Жилой массив «Уркер», ул. Нуркена Абдилова, дом 54, e-mail: ayazbekova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10.01.2023

После доработки: 20.02.2023

Принята к публикации: 20.03.2023

Ayazbekova Sabina – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Arts of the Republic of Kazakhstan; IASHE Academician (International Academy of Science and Higher Education, Great Britain), RAE Academician (Russian Academy of Natural Sciences). Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch, Professor, Astana, Residential area “Urker”, Nurken Abdirov st., 54, e-mail: ayazbekova@mail.ru

The paper was submitted: 10.01.2023

Received after reworking: 20.02.2023

Accepted for publication: 20.03.2023